

Служба проповедников в российской армии во время Первой мировой войны

Э. В. Старостенко

Для цитирования: Старостенко Э. В. Служба проповедников в российской армии во время Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1084–1099. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.403>

В статье, подготовленной на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот, рассматривается служба проповедников в российской армии в 1917 г. Институт проповедников был учрежден по инициативе протопресвитера военного и морского духовенства как ответ на рост революционной пропаганды в воинских частях действующей армии. В историографии служба армейских проповедников представлена незначительно, а вместе с тем именно они наравне с фронтовыми священниками пытались удержать армию от разложения, повлиять на патриотические настроения среди солдат. В статье анализируются процесс учреждения должности и основные обязанности, возлагаемые на нее официальными инструкциями. Прежде всего армейские проповедники обязаны были проводить беседы и выступать перед солдатами. В первую очередь им следовало посещать самые деморализованные воинские части. В статье приводятся данные о назначении, перемещении и увольнении священников с должности проповедника. Штат предполагалось комплектовать наиболее компетентными и опытными священнослужителями. Однако установлено, что в одних армиях данная должность долгое время не была замещена, а в других — священники часто сменялись. Сообщаются сведения о взаимодействии с полковыми священниками. Из наблюдений проповедников можно сделать выводы о падении духа военных священнослужителей. Рассматривается тематика выступлений, ее соответствие инструкциям протопресвитера. Уделяется внимание отношению солдат к проповедникам и их выступлениям. Установлено, что оно колебалось от доброжелательного до открыто выраженного недовольства и агрессии. Хотя современники дали работе армейских проповедников высокую оценку, отчеты рисуют не такую позитивную картину. Отдельные проповедники не выполняли возложенные на них обязанности, допускали уклонение от службы в деморализованных воинских частях, панибратство с офицерами, конфликты с полковыми священниками. Работа же добросовестных священников в сложившейся общественно-политической обстановке не могла принести серьезных результатов.

Ключевые слова: военное духовенство, ведомство протопресвитера военного и морского духовенства, армейские проповедники, Первая мировая война, Февральская революция.

Элеонора Викторовна Старостенко — канд. ист. наук, доц., Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, Республика Беларусь, 212022, Могилев, ул. Космонавтов, 1; eleonorastarostenko@mail.ru

Eleonora V. Starostenko — PhD (History), Associate Professor, Mogilev State University named after A. A. Kuleshov, 1, ul. Kosmonavtov, Mogilev, 212022, Republic of Belarus; eleonorastarostenko@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

Military Chaplaincy in the Russian Army during the First World War

E. V. Starostenko

For citation: Starostenko E. V. Military Chaplaincy in the Russian Army during the First World War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 4, pp. 1084–1099. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.403> (In Russian)

The article examines the service of chaplains in the Russian army in 1917. The Institute of Chaplains was established in response to the growth of revolutionary propaganda in the army. The process of introducing a position and responsibilities imposed by official instructions are analyzed in the article. The main duties of the chaplains involved conducting talks and speaking to the soldiers. The article provides data on the appointment, transfer and dismissal of priests from the position of a chaplain. The most competent and experienced clergy were employed. However, in some armies this position was vacant for a long time, while in others there was a turnover of priests. The article also describes activities of the chaplains in the armies and expands on interaction with regimental priests. The observations of the chaplains enable to conclude about the decline in the spirit of the military clergy. The subject of the speeches, its compliance with the instructions of the protopresbyter are considered. The article focuses on the issue of the attitude of soldiers to chaplains and their speeches. It ranged from benevolence to explicit discontent and aggression. Although contemporaries praised the work of the military clergy, the reports reflected a less positive perception. Some chaplains did not fulfill the duties assigned to them; they allowed evasion from service in demoralized military units, familiarity with officers. The work of conscientious priests could not bring about serious results in the current social and political situation. The article was prepared on the basis of archival materials not previously published.

Keywords: military clergy, the office of the Protopresbyter of Army and Navy priesthood, army preachers, the First World War, February revolution.

Институт православного военного духовенства в годы Первой мировой войны имел достаточно развитую и динамичную структуру. Штатные должности священнослужителей в армии учреждались на протяжении всей войны. В 1916 г. в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства осознают необходимость в учреждении особых священнослужительских должностей в тылу и действующей армии. Эта необходимость была вызвана изменениями в настроениях солдат, разложением в армии, снижением патриотических настроений, падением авторитета военного духовенства. Военная усталость способствовала росту популярности революционных идей среди нижних чинов¹. Это вынудило ведомство при протопресвитере военного и морского духовенства искать более эффективные способы воздействия на солдатскую массу. Решением стало учреждение двух новых, схожих по функциям, должностей: миссионеров и проповедников. Первые должны были действовать в запасных частях армии (по одному миссионеру на фронт), вторые — в действующей армии. Введение должностей миссионеров себя не оправдало. Из пяти должностей только две — на Северном и на Западном фронтах — были замещены².

¹ Смольянинов М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Минск, 2020. С. 367.

² О прикомандировании к полевой канцелярии протопресвитера миссионеров для ведения бесед в запасных частях // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 806. Оп. 5. Д. 10016. Л. 7–7 об.

Но и их служба оказалась короткой: в марте 1917 г. было прекращено ведение бесед на Западном фронте, в мае — на Северном³.

Учреждение должностей армейских проповедников оказалось более удачным. Одновременно с ходатайством об учреждении должностей миссионеров начальником штаба Верховного Главнокомандующего была высказана мысль о том, что проповедническую деятельность следовало бы осуществлять и в рядах действующей армии. Для этого предлагалось ввести в каждую армию проповедника, который, «объезжая боевые части, своими беседами бодрит бы дух воинов»⁴. По материальному содержанию проповедников предлагалось уравнивать со штабными священниками. Окончательное утверждение должностей было произведено приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 14 февраля 1917 г.⁵ В соответствии с приказом, проповеднику присваивали все виды довольствия, положенные священнику управления коменданта штаб-квартир отдела дежурного генерала штаба армии, входящей в состав фронта. Он добавлялся в штат управления дежурного генерала штаба армии.

Деятельность проповедников армий регламентировалась специальной инструкцией, подготовленной протопресвитером. Она была утверждена приказом по ведомству военного и морского духовенства от 9 мая 1917 г. Инструкция определяла главную задачу проповедников действующих армий: поддержание и укрепление духа армии путем проведения бесед с военнослужащими. С этой целью проповедникам следовало постоянно объезжать воинские части и проводить беседы, которые отвечали бы духовным нуждам солдат и запросам времени. Также они должны были раздавать брошюры, листовки и книги соответствующего содержания.

Прописывался алгоритм действий при посещении воинских частей и учреждений. Прежде всего проповеднику рекомендовалось собрать священников посещаемой дивизии, узнать о существующих проблемах и настроениях солдат, выяснить, какие вопросы требуют разъяснения или разрешения. В свою очередь он делился с духовенством личным опытом. Также следовало представиться начальнику дивизии и, если удастся, командиру корпуса и узнать, какие, по их мнению, воинские части особенно нуждаются в пастырском слове, на какие вопросы следует обратить особое внимание в беседах. После этого можно было ехать к солдатам. В памятке отмечалось, что проповеднику не обязательно создавать торжественную обстановку при проведении бесед. Следует использовать любой удобный случай, чтобы донести до солдат свои мысли. При этом для укрепления авторитета проповедника рекомендовалось по возможности посещать окопы.

Что же касается самих бесед, то по инструкции в них должна была учитываться полученная от священников дивизии и военного начальства информация. Беседы следовало строить по принципу «non multa, sed multum» (не много, но многое): они должны были быть лаконичными, недолгими, но вместе с тем содержательными и, что важно, результативными. Чтобы убедить слушателя, священник должен говорить простыми, «идущими от души» словами⁶.

³ О прикомандировании к полевой канцелярии... Л. 46.

⁴ Об учреждении должностей священников для командировок при штабах армии и проповедников армий // Там же. Д. 10312. Л. 3.

⁵ Руководства и распоряжения 1917 г. // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2044. Оп. 1. Д. 21. Л. 157.

⁶ Приказы по ведомству протопресвитера // РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10396. Л. 245 об.

Каждые два месяца проповеднику следовало представлять отчет протопресвитеру о своей деятельности. Кроме того, о своих поездках и деятельности проповедник докладывал начальнику штаба армии и в случае необходимости командующему армией. Непосредственным же начальником проповедника был главный священник фронта, в состав которого входила армия. Местом пребывания в инструкции определен штаб армии.

В фондах Российского государственного исторического архива выявлен документ, принятый на собрании проповедников у протопресвитера 20 марта 1917 г. Он отражает основные идеи, которые проповедникам следовало доносить до солдат. Священники в простой форме должны были разъяснять, что в России «открылась новая эра великого строительства родины на новых началах; открываются светлые пути всестороннего развития ее духовных и материальных богатств»⁷. Это утверждение было продиктовано поддержкой, которую Синод выразил Временному правительству, пришедшему к власти в стране⁸. Проповедникам следовало убеждать солдат в существовании прямой связи между сохранением завоеваний революции и ведением войны до победного конца, к чему призывало Временное правительство: «немецкий империализм, в случае успеха немецкого оружия, восстановит в своих интересах прежний гибельный порядок в русской жизни... для большей эксплуатации и порабощения родины в еще более тяжелой форме»⁹. Проповедникам поручалось привести солдата к осознанию, что продолжение войны необходимо для дальнейшего развития страны на новых общественно-политических началах. После смены власти антивоенные брожения в армии набирали обороты. Проповедник своим пастырским словом должен был эти брожения остановить, убеждая солдат в важности исполнения долга перед Родиной: «каждый солдат, прислушиваясь к собственному патриотически бьющемуся сердцу, должен сам лично вдумчиво относиться к исполнению своих обязанностей»¹⁰. При этом рекомендовалось в беседах не только говорить о любви к Родине, но и напоминать о тех огромных людских потерях, которые война принесла России.

В каждую армию назначался один проповедник. Еще в предложении начальника штаба Верховного Главнокомандующего отмечалось, что на должности проповедников должны быть назначены самые выдающиеся священники с академическим образованием, которые полностью посвятят себя этой работе, освободившись от других обязанностей. Действительно, в начале ведомство протопресвитера военного и морского духовенства прилагало усилия, чтобы в должность вступали священники с хорошими ораторскими способностями, имеющие большой опыт проповедования. Это было крайне важно, учитывая то, что их работа была связана с посещениями воинских частей, патриотический дух которых был подорван. Среди изначально назначенных на проповеднические должности были заметные, опытные священнослужители¹¹.

⁷ Об учреждении должностей священников... Л. 131.

⁸ Старостенко В. В. Проблема свободы совести в законодательстве и общественно-политической мысли в Российской империи начала XX в. // Весник Магіл'ёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А: Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. 2017. № 1 (49). С. 62.

⁹ Об учреждении должностей священников... Л. 131 об.

¹⁰ Там же. Л. 131 об.

¹¹ Старостенко Э. В. Учреждение должности проповедника в российской армии в годы Первой мировой войны и их служение в армиях Западного фронта // Религиоведение в системе социально-гуманитарного знания и образования. Могилёв, 2016. С. 34.

Но вместе с тем анализ приказов по ведомству протопресвитера показал, что многие священники на данной должности подолгу не задерживались. Согласно содержанию приказа по ведомству протопресвитера от 9 мая 1917 г., в конце весны в армии действовало 13 проповедников¹². В приказе по ведомству от 31 июня 1917 г. сообщалось о замене пятерых из них¹³. В приказе № 43 от 30 августа 1917 г. и вовсе говорилось о снятии с должности сразу пяти с пометкой «распоряжение о замещении будет сделано дополнительно»¹⁴. В октябре 1917 г. приказом № 53 по ведомству протопресвитера была замещена должность проповедника 1-й армии. Таким образом, только пятеро из первоначально назначенных священников оставались при исполнении обязанностей. Пять армий к концу августа и вовсе остались без проповедника, и лишь в одной из них он был назначен в октябре¹⁵.

Данные изменения обобщены в таблице (составлено по: РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10396. Л. 245–246, 254–254 об., 294, 320).

Перемещение священнослужителей приказами протопресвитера на должностях проповедников армий

Армия	Приказ № 24 от 9 мая 1917 г.	Приказ № 31 от 30 июня 1917 г.	Приказ № 43 от 30 августа 1917 г.	Приказ № 53 от 3 октября 1917 г.
1-я	С 25 февраля 1917 г. назначен настоятель Троицкой церкви священник Александр Боярский	С 23 мая 1917 г. назначен священник церкви офицерской кавалерийской школы Александр Введенский	Александр Введенский уволен	Назначен прослушавший три курса Петроградского университета священник Валентин Свентитский
2-я	С 28 марта 1917 г. назначен священник церкви Александровского института Яков Ктитарев	С 10 июня 1917 г. назначен доцент Казанской духовной академии иеромонах Иона		
3-я	С 25 февраля 1917 г. назначен благочинный 13-й пехотной дивизии, протоиерей Иоанн Голубев			
4-я	С 25 февраля 1917 г. назначен наместник Григорие-Бизюкова монастыря Херсонской епархии архимандрит Арсений		Архимандрит Арсений уволен	

¹² Списки духовенства // РГИА. Ф. 806. Оп. 20. Д. 474 б. Л. 2 об.; Приказы по ведомству протопресвитера // Там же. Оп. 5. Д. 10396. Л. 245–246.

¹³ Приказы по ведомству протопресвитера // Там же. Оп. 5. Д. 10396. Л. 254–254 об.

¹⁴ Там же. Л. 294.

¹⁵ Там же. Л. 245–246, 254–254 об., 294, 320.

Армия	Приказ № 24 от 9 мая 1917 г.	Приказ № 31 от 30 июня 1917 г.	Приказ № 43 от 30 августа 1917 г.	Приказ № 53 от 3 октября 1917 г.
5-я	С 28 марта 1917 г. назначен Петроградский епархиальный миссионер-проповедник священник Николай Чепурин		Николай Чепурин уволен	
6-я	С 25 февраля 1917 г. назначен законоучитель Евпаториевской мужской гимназии протоиерей Василий Боцановский			
7-я	С 10 апреля 1917 г. назначен благочинный 41-й пехотной дивизии, протоиерей 164-го пехотного Закавказского полка Николай Рождественский	С 17 мая 1917 г. на летнее время назначен доцент Киевской духовной академии священник Николай Фетисов	С 28 июля 1917 г. Николай Фетисов уволен	
8-я	С 18 апреля 1917 г. назначен благочинный 1-й гвардейской пехотной дивизии протоиерей Николай Сахаров	С 17 мая 1917 г. назначен протоиерей Николай Рождественский . С 9 июня 1917 г. назначен протоиерей 2-го лазарета 1-й гвардейской пехотной дивизии Иоанн Крылов		
9-я	С 19 апреля 1917 г. назначен благочинный гвардейской стрелковой дивизии протоиерей 3-го гвардейского стрелкового полка Порфирий Рувимский			
10-я	С 21 апреля 1917 г. назначен священник 9-й артиллерийской бригады Никанор Разумович	С 7 июня 1917 г. назначен протоиерей 53-го пехотного запасного полка Емилиан Бекаревич		

Армия	Приказ № 24 от 9 мая 1917 г.	Приказ № 31 от 30 июня 1917 г.	Приказ № 43 от 30 августа 1917 г.	Приказ № 53 от 3 октября 1917 г.
11-я	С 17 марта 1917 г. назначен ректор Вифанской духовной семинарии архимандрит Герман		С 1 августа 1917 г. архимандрит Герман уволен	
12-я	С 28 марта 1917 г. назначен преподаватель Псковской духовной семинарии священник Сергей Баженов			
Особая	С 28 марта 1917 г. назначен состоящий в распоряжении преосвященного епископа Алеутского и Аляскинского архимандрит Петр			

Что касается Кавказской армии, то начальник ее штаба еще 28 февраля 1917 г. просил предоставить информацию о проведении проповедей и учреждении должностей проповедников¹⁶. Однако в приказах по ведомству информация о назначении проповедника не выявлена. Согласно архивным документам, должность была упразднена¹⁷.

Рассмотрим, как на практике была реализована служба проповедников, насколько она соответствовала инструкции от 9 мая 1917 г., разработанной для них, успешной ли она была. Понять это позволяют источники личного происхождения, отчеты проповедников, рапорты по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства.

Мемуары дают нам ограниченную информацию о службе проповедников в 1917 г. Например, протопресвитер Г.И. Шавельский вспоминал, что институт проповедников в начале 1917 г. «блистал дарованиями и силами»¹⁸. В своих мемуарах он писал, что деятельность проповедников получила высочайшую оценку. Так, английский генерал А. Нокс (в годы Первой мировой войны полковник, состоявший при штабе Северного фронта), наблюдая за работой проповедников, назвал идею учреждения этих должностей «гениальной»¹⁹. Однако отметим, что это не личные наблюдения протопресвитера: Г.И. Шавельский взял сведения из отчета проповедника 5-й армии Н. Чепурина (согласно которому учреждение института проповедников А. Нокс называет блестящей духовно-организаторской мыслью),

¹⁶ Об учреждении должностей священников... Л. 63.

¹⁷ Списки духовенства // РГИА. Ф. 806. Оп. 20. Д. 474 б. Л. 2 об.; Капков К. Г. Памятная книга военного и морского духовенства XIX — начала XX веков. М., 2008. С. 503.

¹⁸ Кострюков А. А. Военное духовенство и развал армии в 1917 г. // Церковь и время. 2005. № 2. С. 158.

¹⁹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. Нью-Йорк, 1954. С. 97.

деятельность же самого Чепурина была подвергнута критике военно-духовного начальства (о чем будет сказано ниже)²⁰. Именно поэтому более полную картину о службе армейских проповедников можно составить на основе архивных документов (отчетов проповедников, рапортов, приказов по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства).

Согласно инструкции, в своих поездках проповедник должен был тесно взаимодействовать с полковыми священниками с целью укрепления авторитета военного духовенства среди солдат, обмена опытом, получения информации о проблемах в полках и о наиболее актуальных для солдат вопросах. Изучение архивных документов показало, что не всегда военное духовенство доброжелательно относилось к проповедникам и принимало их помощь. В этом видится две основные причины. Во-первых, проповедник мог забывать о своем реальном статусе и позиционировал себя в качестве начальствующего лица, стоящего выше рядовых военных священников. Так, 28 мая 1917 г. Г. И. Шавельский был вынужден разослать проповедникам предупреждение о соблюдении субординации. Это было вызвано жалобами военных священников. Протопресвитер напоминал, что проповедник не имеет никаких начальственных прав над духовенством армии, его дело помогать, а не руководить. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что уже 28 мая протопресвитер указывает на необходимость посещать проблемные воинские части, а не те, где и без проповедника хорошо обстоит дело: «Не здоровые, а больные нуждаются во врачах, поэтому проповедники должны посещать не те части, в которых здоровый дух и бодрые настроения, а те, где расшатаны устои службы и долга»²¹. Это можно расценить как свидетельство недобросовестного исполнения инструкции отдельными проповедниками.

Кроме того, строевое духовенство видело в армейских проповедниках конкурентов, а потому не выказывало большой радости от их приезда. В отчете проповедника 3-й армии И. Голубева от 31 мая 1917 г. отмечалось, что полковые священники не рады проповедникам и видят в них конкурентов²². Проповедник 12-й армии С. Баженов в отчете от 24 июня 1917 г. писал, что никто не видит в его работе помеху личному авторитету, лишь иеромонах Т. Шарапов, священник 177-го Изборского полка, отказал проповеднику в беседе с полком. Мало того, он отказался приезжать на собрание, заявив, что «приезд гастролеров и увещателей идти в наступление участился до последних пределов»²³. По его мнению, священник, сопровождающий таких «гастролеров», дискредитирует рясу. Признавая лишь за собой исключительное право проповедовать в полку, Т. Шарапов обещал оказать противодействие проповеднику, если тот приедет устраивать митинг и говорить на политические темы. Резко отреагировал на предложение приехать на собрание, организованное проповедником 5-й армии, благочинный 36-й дивизии иеромонах Георгий. Он назвал собрание «несвоевременным» и просил проповедника армии не отвлекать священников от исполнения их прямых обязанностей. Мало того, он рекомендовал священникам дивизии также проигнорировать приглашение пропо-

²⁰ Об учреждении должностей священников... Л. 154 об., 196.

²¹ Там же. Л. 164 об.

²² Там же. Л. 174.

²³ Там же. Л. 194.

ведника: «Довольно собраний, довольно слов, не отрывайте нас от дел»²⁴. Дальше пошли священники Северного фронта: на общешрифтовом съезде во Пскове они заявили о необходимости уничтожить институт проповедников как совершенно бесполезный и даже вредный²⁵.

Вместе с тем отдельные проповедники старались успокоить военных священников и наладить с ними диалог. Так, проповедник 7-й армии Н. Фетисов в отчете от 3 августа 1917 г. рассказывает о своем знакомстве с благочинными армии. С их стороны он заметил недоумение и опасение, связанное с учреждением института армейских проповедников, а потому считал необходимым разъяснить им, что он приехал не начальствовать над ними, а помочь в службе.

Сами же проповедники во время встреч с духовенством армий замечали изменения в их настроениях, указывали на упаднический дух, разочарование в службе. Так, проповедник 10-й армии Н. Разумович в отчете от 31 мая писал, что настроение священников удручающее и пессимистическое: кто-то подстраивается под настроения толпы, иные пытаются уклониться от службы в рядах военного духовенства, а в целом «священники на войне теперь представляют из себя стадо, не имущее пастыря»²⁶.

Сообщали проповедники и о жалобах военного духовенства на отношение солдат к богослужениям. Отказ от них стал общей для всей российской армии тенденцией: например, если в 1916 г. таинство причастия исполнили 100 % православных солдат, то в 1917 г. этот показатель упал до 10 %²⁷. Проповедник 10-й армии говорил о сетовании священников на то, что на богослужение приходит не более десяти человек, тогда как до падения самодержавия церкви были заполнены молящимися. По его мнению, сложившаяся ситуация закономерна, ведь до революции в храмы ходили по приказу (это регламентировалось «Уставом внутренней службы»), а теперь — по желанию²⁸. По-своему трактовал сложившуюся ситуацию иеромонах Иона, проповедник 2-й армии. На жалобы военных священников он отвечал так: «Не солдаты плохи стали, а все стали плохи: у руководителей-то руки опустились, не готовы мы оказались к испытаниям»²⁹.

Отчеты проповедников позволяют установить основные темы бесед, а также особенности их проведения в тех или иных воинских частях. Проповедник 10-й армии считал, что беседы должны вестись в «беспартийном духе»³⁰. Проповедник 12-й армии писал, что выступление проповедника должно отличаться от «выкриков партийного митингового оратора»³¹. А проповедник 5-й армии, наоборот, полагал, что беседа должна иметь политическую окраску: «Пока проповедник определенно, откровенно и искренне не выскажет солдатам своих взглядов на грехи старой

²⁴ Об учреждении должностей священников... Л. 215 об.

²⁵ Бумаги, касающиеся Второго Всероссийского съезда военного духовенства // Там же. Д. 10140 В. Л. 140 об.

²⁶ Об учреждении должностей священников... Л. 182–182 об.

²⁷ Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М., 2003. С. 295–296.

²⁸ Старостенко Э. В. Православное военное духовенство на территории Беларуси в годы Первой мировой войны. Могилёв, 2020. С. 72–73.

²⁹ Об учреждении должностей священников... Л. 229 об.

³⁰ Там же. Л. 180.

³¹ Там же. Л. 193.

власти и на права народа на политическую свободу и на землю, до тех пор их уши и сердца будут закрыты для его призывов»³². Позже такой подход к ведению бесед будет подвергнут критике со стороны духовенства частей, которые он посещал. В своем рапорте от 29 июня 1917 г. штабной священник 5-й армии А. Успенский сообщал протопресвитеру, что проповедник 5-й армии, ища популярности среди солдат, больше критиковал старую власть и царизм, нежели говорил об обязанностях солдат и задачах, которые перед ними ставит государство³³.

В большинстве отчетов информация о содержании и темах выступлений проповедников соответствовала инструкции. В беседах с солдатами проповедника 10-й армии доказывалась «необходимость завершения войны против немцев в полном согласии с союзниками, какая стоит в данный момент перед нами»³⁴. Проповедник 5-й армии в беседах старался уделять наибольшее внимание событиям военно-политической жизни, освещая их с позиций религиозных, призывал, чтобы господствующим чувством у всех было чувство христианской любви и гражданского уважения друг к другу, говорил о необходимости «уяснить позор и политически-экономическую гибельность для России сепаратного мира», а потому доказывал важность военной дисциплины и готовности вступать в бой³⁵. Проповедник 7-й армии Н. Фетисов сообщал в отчете от 3 августа 1917 г., что его беседы в полках были посвящены разъяснению новых начал русской жизни, понятий свободы, равенства, братства с позиций христианства³⁶. Проповедник 6-й армии писал, что иногда темы его выступлений корректировались в связи с событиями, происходящими на Румынском фронте. Так, он читал особые поучения, чтобы приободрить солдат, узнавших о поражениях на Юго-Западном фронте (июль 1917 г.) и прекращении наступления на Румынском фронте. После разгрома на Румынском фронте в 20-х числах июля 1917 г., видя мрачные настроения своих подопечных, он выступил с речью об «истинных основах воинского мужества и самопожертвования», в защиту солдат³⁷.

Наиболее важным является вопрос об эффективности работы проповедников. Призванные успокоить армию и убедить солдат в сохранении верности присяге и необходимости продолжения войны до победного конца, они сталкиваются с разной реакцией военнослужащих. В отчетах проповедников отношение солдат зачастую представлено в двух вариантах, прямо противоположных друг другу. Одни пишут об их доброжелательном отношении и о своем влиянии на их умы. Другие, наоборот, пишут о сложных условиях работы и нежелании солдат слушать проповедников. Иногда по отчетам одного проповедника можно увидеть, как постепенно условия службы менялись в худшую сторону.

В фондах РГИА удалось исследовать отчеты проповедников, служивших на Северном, Западном, Юго-Западном и Румынском фронтах. Рассмотрим, на примере каждого фронта, как была встречена деятельность проповедников и имела ли она результат.

---

³² Там же. Л. 153 об.

³³ Там же. Л. 196.

³⁴ Там же. Л. 180.

³⁵ Там же. Л. 154.

³⁶ Там же. Л. 221.

³⁷ Там же. Л. 236.

О деятельности в армиях, входящих в состав Северного фронта, сообщается в отчетах проповедников 5-й и 12-й армий. Сведения о работе проповедника 1-й армии (находилась в составе фронта до июля 1917 г., с июля по сентябрь — в составе Юго-Западного, а с сентября — снова в составе Северного фронта) не обнаружены ввиду или его отсутствия, или замены одного другим³⁸. Проповедник 5-й армии Н. Чепурин отправлял на имя протопресвитера несколько отчетов о своей службе, что позволяет сравнить результаты его работы. Сообщая о своей деятельности весной 1917 г., он отмечал благоприятное отношение в армии к проповеднику. По его словам, солдаты охотно шли на диалог, не отпускали священника, порой беседа затягивалась на 3–4 часа. Рассказывая о своей политической позиции, проповедник располагал к себе солдат: «когда солдаты начинают видеть в проповеднике своего человека, пастыря всенародного, не врага, а поборника свободы, тогда они живейшим образом откликаются на многие его призывы»³⁹. Объехав воинские части 19-го, 13-го и 14-го корпусов, проповедник отдельно отметил сохранность войск последнего от разложения. Вместе тем следует обратить внимание, что проповедник уклонился от требования протопресвитера о посещении наиболее проблемных частей: чаще всего он беседовал с военнослужащими резервных частей, лазаретов и госпиталей Двинска. Указание на это также содержится в рапорте штабного священника 5-й армии на имя протопресвитера: было установлено, что проповедник намеренно не посещал те части, которые открыто отказались идти в бой, из-за «нежелания большего возбуждения толпы»⁴⁰. Второй отчет проповедника Чепурина (за май и июнь) позволяет сделать выводы об ухудшении условий для ведения бесед, падении авторитета проповедника. Он сообщал о резком ухудшении поведения солдат (отказе от занятия боевых позиций, азартных играх, издевательствах над офицерами). Помимо и без того проблемного 19-го корпуса, сложности возникли в 13-м, 28-м, 1-м и даже 14-м корпусе, получившем в предыдущем отчете Чепурина положительную оценку. Для воодушевления и успокоения солдат его направляли в наиболее проблемные полки, где на полковых митингах еще недавно звучали призывы против соблюдения дисциплины и наступления: «атмосфера накаливалась докрасна, полк представлял собою извергающийся вулкан, дышащий угрозами и убийствами, где офицерам, говорившим о необходимости силой заставить врага захотеть мира, выносили смертный приговор (например, в Вильманstrandском полку), где избивали даже представителей Совета солдатских и рабочих депутатов, где объявляли изменниками, “продавшимися буржуям”, министров-социалистов, где кричали о необходимости расправиться с Керенским (24-я дивизия)»⁴¹. В таких условиях священник, хоть и не подвергся физическому насилию, но был вынужден терпеть оскорбления, срыв проводимых бесед (например, во время одного из выступлений солдаты стали распевать под гармонь «разухабистые» песни, во время другого — позволяли себе матерную ругань, и даже офицеры не могли их успокоить). Свою деятельность священник характеризовал как мучительнейшую работу.

³⁸ Базанов С. Н. Фронтовые пути русских армий. Ч. 1 // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 73, 81.

³⁹ Об учреждении должностей священников... Л. 154.

⁴⁰ Там же. Л. 196 об.

⁴¹ Там же. Л. 211 об.

Проповедник 12-й армии С. Баженов также представил протопресвитеру два отчета о своей деятельности. Первый содержит информацию о деятельности проповедника в период с 12 апреля по 1 мая. За отчетный период он провел 10 бесед с частями 12-й армии. Вывод священника: работа трудная, но успехи есть, так как солдаты слушают священника. Вместе с тем проповедник отмечает, что сторонниками крайних социалистических идей среди солдат осуществляется попытка подорвать авторитет военных священников. Второй отчет, содержащий информацию о деятельности с 11 мая по 23 июня, рисует менее радужную картину. Беседы (было проведено 26 бесед и 7 проповедей в Рижском соборе) часто превращались в митинг, проповеднику требовалось прилагать огромные усилия, чтобы спокойно и по существу отвечать на острые вопросы, которые задавали солдаты. Работа стала «крайне тяжелой, нервной, острой, грозящей в случае малейшей непредусмотрительности эксцессом»⁴². Однако искренность проповедника в отчетах подвергается сомнению: на него в сентябре 1917 г. поступила жалоба. В ней сообщалось о том, что С. Баженов стал уклоняться от ведения бесед, отказывался ехать в беспокойные полки. Одна из его сентябрьских речей и вовсе произвела плохое впечатление на солдат, которые начали перешептываться, называть проповедника провокатором и вовсе покидали храм посреди выступления. Помимо прочего, священник вел себя вызывающе, допустил панибратство с офицерами, которые даже обращались к нему на «ты» и просто по имени. А большие и подробные отчеты, поступающие протопресвитеру, объяснялись в жалобе стремлением удержаться на должности для получения большого жалования в качестве проповедника⁴³.

По Западному фронту информация является наиболее полной, ведь именно здесь проповедники были во всех армиях: во 2-й армии служил иеромонах Иона (о службе его предшественника отчеты отсутствуют), в 3-й армии — И. Голубев, в 10-й — Н. Разумович, потом Е. Бекаревич. До июля 1917 г. в состав Западного фронта входила также Особая армия, проповедником которой был архимандрит П. Зверев. Проповедники 2-й и 10-й армий в отчетах положительно характеризуют свою работу и сообщают о добрых отношениях с солдатами. Так, проповедник 2-й армии иеромонах Иона в отчете от 2 сентября 1917 г. писал, что к священникам солдаты еще не потеряли доверия и в тяжелое время всегда готовы прийти за помощью⁴⁴. Проповедник 10-й армии, давая оценку своей службе весной 1917 г., сообщал протопресвитеру, что всегда выступал в торжественной обстановке, которую обеспечивали сами солдаты, а на собраниях присутствовали не только рядовые, но и офицеры, врачи, военные священники. Отношение же к беседам было внимательное и благодарное, а посещение проповедником окопов вызывало в солдатских рядах подъем воинского духа⁴⁵. Проповедник Особой армии в отчете от 24 июня 1917 г. отмечал внимательное отношение солдат, их благодарность за проведенные беседы и ответы на вопросы религиозного характера.

Разительно отличается информация о работе проповедника 3-й армии И. Голубева (отчет от 31 мая 1917 г.). Он сообщал об изменении отношения солдат: те стали подозрительными, недоверчивыми и озлобленными, позволяющими себе

⁴² Там же. Л. 193.

⁴³ Там же. Л. 245–254.

⁴⁴ Там же. Л. 227.

⁴⁵ Там же. Л. 181 об.

грубость в отношении священника, из-за чего проповедник вынужден был быть крайне осторожным в выражениях. До 20 мая ни в одной из воинских частей нельзя было произнести в том или ином контексте такие слова, как «начальство», «подчинение» и «дисциплина». Это могло спровоцировать настоящую волну агрессии в адрес оратора. Неосторожность в словах приводила к оскорблениям («Долой! Вон его! Провокатор! Буржуй! Поп-кровопийца! Паук! Арестовать его!»), солдаты покидали мероприятие. Поэтому проповеднику приходилось корректировать содержание своих выступлений, в большей степени говоря с солдатами о «свободах, различных вольностях, правах, льготах, мире без аннексии и контрибуции, раздаче земли», и только потом о главном. Но несмотря на осторожность, солдаты во время бесед придирались к словам, спорили, открыто выражали упреки и жалобы — и выступления вместо 20 минут могли длиться до полутора часов. При этом солдаты неохотно шли на такие встречи, а офицеры не имели авторитета, чтобы убедить их прийти. Текст отчета — очень эмоциональный, по сути, крик души опытного священника. Сравнивая проповедника армии с «бродячим оратором-митингером», И. Голубев признает, что не видит особых результатов своего труда, и намекает протопресвитеру о скорой просьбе об отставке⁴⁶. Отчет проповедника 3-й армии в большей степени отражает реальную обстановку в войсках Западного фронта: падение боеготовности и дисциплины, неповиновение командирам, антивоенные настроения среди солдат, политизация армии⁴⁷.

О службе проповедников в армиях Юго-Западного фронта можно узнать из отчетов проповедников 7-й, 11-й, а с июля 1917 г. — Особой армии. К сожалению, проповедник 11-й армии архимандрит Герман в своем отчете от 29 апреля 1917 г. приводит лишь данные о количестве проведенных бесед и их тематике. О реакции солдат и настроениях в армии он не сообщает. Другое дело — проповедник Особой армии архимандрит Петр. В отчете от 11 сентября 1917 г. он писал, что солдаты охотно посещали его выступления, слушали внимательно: «Текущие чрезвычайные события в нашей истории не заглушили окончательно в душах солдат потребностей веры и желания послушать что-либо “божественное”»⁴⁸. Доказательством доброго отношения к религии проповедник считал решение 225-го полка о переоборудовании здания театра под церковь.

Проповедник 7-й армии Н. Фетисов также писал, что отношение к его деятельности хорошее, хотя условия, в которых приходится работать, весьма сложные. В течение отчетного месяца (май 1917 г.) солдаты охотно посещали беседы, молились, разрешали проповеднику посещать лагерь, вступали в диалог. Оскорблений в свой адрес проповедник не получал. Вместе с тем он описывает случай в 10-м Заамурском полку, когда солдаты заявили о своем желании взять с собой священника на передовую, чтобы он, находясь с ними в бою, доказал искренность своих слов. Проповедник отмечал равнодушие солдат по отношению к церкви. Особенностью территории, на которой дислоцировались армии фронта, являлись сильные позиции униатской церкви; а потому проповедник 7-й армии выражал беспокойство

⁴⁶ Об учреждении должностей священников... Л. 174.

⁴⁷ Смольянинов М. М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году. Минск, 2007. С. 48, 58.

⁴⁸ Об учреждении должностей священников... Л. 225.

в связи с попыткой проникновения, вместе с «украинизацией», униатских идей в солдатские умы.

На Румынском фронте проповедники служили в 6-й и 9-й армиях⁴⁹. Проповедник 6-й армии В. Боцановский оказался в интересной ситуации: прибыв к месту службы, он на время заменил штабного священника, но несмотря на это проводил беседы с солдатами. Его выводы в отчете от 13 сентября 1917 г. неутешительны. Отношение к священнослужителям в полках армии — не только неуважительное, но враждебное: «попы, патлатые, слуги Николая, грабители, живодеры», «пора их бить и резать им волосы» (при этом подобное обращение он испытал не только на фронте, но и в тыловых частях)⁵⁰. Службы, как утренние, так и вечерние, солдатами не посещались. Проповедник 9-й армии П. Руфимский в отчете за июнь 1917 г. жаловался на тяжелые условия работы: сложные переходы в горах, недостаток пайка, физическую усталость. Несмотря на это, он сообщал о доброжелательном отношении солдат: в одном из посещенных батальонов его не просто благодарили, а даже хотели «качать», от чего священник солдат отговорил⁵¹. 28 сентября 1917 г. П. Руфимский попросил протопресвитера об освобождении от должности.

Отдельное внимание проповедники уделили поведению офицеров, их отношению к религиозной жизни в целом и к деятельности армейских проповедников в частности. Часто проповедники указывали на падение религиозности среди офицеров, нежелание присутствовать на службах, беседах (хотя и до революции священники писали о невысоком уровне религиозности среди офицеров, особенно молодых)⁵². Кроме того, они сообщали о сложных отношениях между нижними чинами и офицерством: об отсутствии субординации, об агрессии, оскорблениях, угрозах и физических столкновениях. Проповедник 10-й армии писал, что часть офицеров сблизилась с солдатами, другие, наоборот, отдалились, а солдаты, в свою очередь, злятся на них. Ситуация напоминала проповеднику «затишье перед бурей»⁵³. Во время визита проповедника 12-й армии в 303-й Сенненский и 80-й Сибирский полки на его глазах солдаты чуть не учинили самосуд над офицером за сказанные им слова⁵⁴. Проповедник 5-й армии сообщал об издевательствах над офицерами, их арестах, избиении и убийствах. Настроения офицеров в посещенных им полках были мрачные: «Я нередко заставал офицеров в самом удрученном состоянии, порой близком к отчаянию. Я никогда не забуду одного подполковника, который не мог достоять до конца моей беседы с батальоном и, истерически рыдая, ушел в ближайшую хату»⁵⁵. Проповедник Особой армии писал, что солдаты при любом удобном случае обвиняют офицеров в измене, предательстве и верности старому строю⁵⁶.

⁴⁹ Базанов С. Н. Фронтовые пути русских армий. Ч. 2 // Военно-исторический журнал. 1996. № 4. С. 24, 28.

⁵⁰ Об учреждении должностей священников... Л. 237 об.

⁵¹ Там же. Л. 207.

⁵² Старасценка Э. В. Праваслаўнае ваеннае духавенства на тэрыторыі Беларусі пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 года // Беларускі гістарычны часопіс. 2018. № 6. С. 17.

⁵³ Об учреждении должностей священников для командировок при штабах армии и проповедников армий // РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10312. Л. 181 об.

⁵⁴ Там же. Л. 193 об.

⁵⁵ Там же. Л. 212 об.

⁵⁶ Там же. Л. 225 об.

Оценивая деятельность проповедников в армии, следует признать, что они не справились с возложенной на них задачей, что оказалось обусловлено сложившейся общественно-политической ситуацией в стране, особенностью функционирования института проповедников, а также их отношением к службе. Новый институт не мог работать в полную силу: отдельные армии длительное время не имели проповедника, или же проповедники часто сменяли один другого, что не позволяло им сблизиться с солдатами и заработать авторитет. Кроме того, проповедование в целой армии вынуждало добросовестных проповедников постоянно перемещаться, затрачивая большое время на дорогу. Охват воинских частей, таким образом, не мог быть значительным. В тех армиях, где проповедники были, их деятельность нельзя оценить однозначно. Безусловно, являясь авторами отчетов, священники старались показать свою работу с положительной стороны. Однако установленные случаи нарушения субординации, безответственного отношения к работе и содержанию бесед свидетельствуют, что даже среди священников, отобранных на должности проповедников по высоким критериям, встречались недобросовестные. Это не могло не сказаться как на авторитете конкретного проповедника, так и в целом на авторитете института военных священников. Но даже если армейский проповедник добросовестно выполнял свои обязанности, говорить о реальном успехе не приходится. Призванные сдерживать армию от разложения, убедить солдат в необходимости продолжать войну до победного конца, не допустить распространения революционных (особенно большевистских) идей, проповедники не могли преломить ту общественно-политическую реальность, в которой оказались после Февральской революции. Несмотря на сообщения части проповедников о положительных результатах своей работы, поддержке и понимании со стороны солдат, в действительности это не изменило ситуацию в воинских частях. Архивные документы сохранили рассказы проповедников о падении морального духа в армейской среде, неправильной трактовке «новых свобод», провозглашенных после Февральской революции, неуважении к офицерам и священникам, нежелании воевать. А отдельные свидетельства и вовсе сообщали о невыносимых условиях работы, сопряженных с унижением их достоинства и угрозой для жизни.

Пришедшие к власти большевики, не видя нужды в военном духовенстве, упразднили этот институт в армии.

References

- Bazanov S. N. Frontovye puti russkikh armii. Ch. 1. *Voенno-istoricheskii zhurnal*, 1996, no. 1, pp. 73–81. (In Russian)
- Bazanov S. N. Frontovye puti russkikh armii. Ch. 2. *Voенno-istoricheskii zhurnal*, 1996, no. 4, pp. 25–35. (In Russian)
- Fedorov V. A. *Russkaia pravoslavnaia tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyi period (1700–1917)*. Moscow, Russkaia panorama Publ., 2003, 480 p. (In Russian)
- Kapkov K. G. *Pamiatnaia kniga voennogo i morskogo dukhovenstva XIX — nachala XX vekov*. Moscow, Letopis' Publ., 2008, 752 p. (In Russian)
- Kostiukov A. A. Voенnoe dukhovenstvo i razval armii v 1917 g. *Tserkov' i vremia*, 2005, no. 2, pp. 143–196. (In Russian)
- Smol'ianinov M. M. *Belarus' v Pervoi mirovoi voine 1914–1918 gg.* Minsk, Belorusskaia nauka Publ., 2020, 493 p. (In Russian)

- Smol'ianinov M. M. *Moral'no-boevoe sostoianie rossiiskikh voisk Zapadnogo fronta v 1917 godu*. Minsk, Belorusskaia nauka Publ., 2007, 320 p. (In Russian)
- Starastsenka E. V. Pravaslaunae vaennae dukhavenstva na terytoryi Belarusi paslia Kastychnitskai revoliutsyi 1917 goda. *Belaruski gistorychny chasopis*, 2018, no. 6, pp. 16–20. (In Belorussian)
- Starostenko E. V. *Pravoslavnoe voennoe dukhovenstvo na territorii Belarusi v gody Pervoi mirovoi voiny*. Mogilev, MSU named after A. A. Kuleshov Press, 2020, 200 p. (In Russian)
- Starostenko E. V. Uchrezhdenie dolzhnosti propovednika v rossiiskoi armii v gody Pervoi mirovoi voiny i ikh sluzhenie v armiiakh Zapadnogo fronta. *Religiovedenie v sisteme sotsial'no-gumanitarnogo znaniia i obrazovaniia*. Mogilev, MSU named after A. A. Kuleshov Press, 2016, pp. 32–36. (In Russian)
- Starostenko V. V. Problema svobody sovesti v zakonodatel'stve i obshchestvenno-politicheskoi mysli v Rossiiskoi imperii nachala XX v. *Vesnik Magileuskaga dziazhaunaga universiteta imia A. A. Kuliashova. Seryia A, gumanitarnyia navuki: gistoryia, filasofii, filalogiia*, 2017, no. 1 (49), pp. 60–64. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 11 февраля 2021 г.

Рекомендована в печать 14 сентября 2021 г.

Received: February 11, 2021

Accepted: September 14, 2021